

Русские без Москвы 1908г. 28 октября

Театръ и музыка.

Концертъ Телемака Ламбрино
(24-го октября).

Прошлагоди́й концертъ Телемака Ламбрино обратилъ вниманіе москвичей на этого выдающагося піаниста. Можетъ-быть, благодаря этому концерту г. Ламбрино былъ приглашенъ въ профессора московской консерваторіи. Какіихъ результатовъ ждать отъ этого приглашенія, трудно сказать: не всякій выдающийся артистъ можетъ быть хорошимъ преподавателемъ,—особенно артистъ такого типа, какъ г. Ламбрино. Но тому, что г. Ламбрино водворился въ Москвѣ, можно только порадоваться.

Московский музыкальный міръ въ его лицѣ обогатился дарованіемъ свѣжимъ, крупнымъ, оригинальнымъ. Основная черта этого дарованія—яркій, мощный темпераментъ. И притомъ темпераментъ особаго рода. Не болѣзненно-изощренная чуткость модернистскаго «комка первовъ», не гармонически пламенѣющій порывъ художника-классика, а нѣчто болѣе простое, здоровое и въ своей здоровости доходящее порой до природной, чуть ли не до животной стихійности. Г. Ламбрино—піанистъ съ полнымъ, сочнымъ тономъ, съ блестящей техникой, съ настѣвающимъ широкимъ виртуознымъ размахомъ. Онъ можетъ быть отчетливымъ и прозрачнымъ (этюдъ Es-dur Шопена, фантазія Моцарта), но порой не прочь и смазать скомкать. Да и гдѣ ужъ до мелочей во время вулканическаго изверженія, которому такъ часто уподобляется игра г. Ламбрино! Артистъ все освѣщаетъ по-своему, во всемъ дерзаетъ «смыть свое сужденіе нить», все «ламбринизуетъ». Въ этомъ его сила, но въ этомъ и его слабость. Его Шопень или Бетховень, можетъ-быть, и нѣсколько односторонни (Шопень слишкомъ опрощень, оздоровленъ; Бетховень слишкомъ вулканизированъ), но высоко-интересны какъ коррективы къ Шопенамъ и Бетховенамъ другихъ виртуозовъ, по-вину одностороннихъ. Но когда г. Ламбрино изъ гавота Баха дѣлаетъ нѣчто такое, въ чемъ нельзя узнать ни гавота, ни Баха,—тутъ о коррективахъ уже трудно говорить. Это—такая же несимпатичная артистическая крайность, какъ и исполненіе абсолютно противоположнаго типа, идеаломъ котораго (недостижимымъ!) является химическая чистота отъ всякихъ элементовъ субъективности. И все-таки піанистъ, котор.й, даже дѣлая автора неузнаваемымъ, не перестаетъ быть интереснымъ,—большой, сильный артистъ.

Изъ отдѣльныхъ пьесъ лучше всего удались г. Ламбрино Es-dur'ный этюдъ Шопена, въ легкомъ, поэтическомъ исполненіи артиста потерявшій всякій привкусъ «этиюдности», фантазія Моцарта да, пожалуй, Campanella Листа, несмотря на два—три смазанныхъ пассажа. Финаль сонаты Бетховена (cis-moll) исполненъ былъ горячо, увлекательно, хотя и вышелъ сильно ламбринизованнымъ; наоборотъ, первая часть сонаты вышла блѣдной, недосказанной. Прекрасные моменты были въ передачѣ грандіозной сонаты Листа; но эти моменты не слились воедино, какъ впрочемъ не сливаются они, кажется, ни у одного піаниста. Г. Ламбрино имѣлъ ольшой успѣхъ и много игралъ сверхъ программы.